

Страшные люди

Григорий Петрович Максимов

1935

Во время лекционного тура мне пришлось побывать во многих городах, встретиться с людьми самых различных политических убеждений и взглядов, которые возражали мне, стараясь защитить свои убеждения. Они спокойно выслушивали мою критику, часто очень резкую, мои доводы и мои выводы, а потом брали слово и возражали культурным языком, противопоставляя моим фактам свои факты, моим выводам свои выводы. Это люди культурные в том смысле, что они умеют уважать свободу и мнение другого и требуют, конечно, такого же отношения к своей свободе и к своим убеждениям. Они признают за каждым человеком право на заблуждение и вследствие этого требуют политической свободы и политических прав для всех без исключения. Эти люди превосходно понимают, что не вся истина у них в кармане, что полная истина рождается из столкновения мнений, из критики, свободной культурной критики.

Но мне пришлось столкнуться и с другой породой людей, которых раньше все мы называли реакционерами, которых теперь почему-то называют коммунистами. Это, как я их называю, страшные люди, атавистический продукт средневековой католической реакции и эпохи рабства, крепостничества и политического абсолютизма: атавистическая отрывка истории; они страшны не своей внешностью, не своим уродством, а своим нравственным безобразием, своей социально-политической отсталостью и некультурностью, своей сектантской грубостью и жестокостью — это продукт тёмного царства, которое так заботливо охраняется от лучей света всеми партиями Коминтерна, а русской компартией в особенности. Нет ничего удивительного в том, что из всех этих «добрых» свойств слагается моральное и социально-политическое чудовище, именуемое коммунистом, большевиком, которое, придя в действие, проявляет себя срывателем рабочих митингов, революционных лекций, докладов и выявляет свой внутренний, духовный мир в отборной площадной ругани по адресу своего противника.

В чем проявляется хулиганство вообще? В неуважении к человеческой личности, в глумлении над ней, над всеми её правами и убеждениями, в грубости, в дебоширстве. Хулиган — это морально опустошённая личность, руководящаяся доисторическими животными инстинктами, зверинами инстинктами. Таких вот «людей» воспитывает в русской колонии русская компартия со своей газетой «Новый Мир». Ничего,

поэтому, нет удивительного в том, что мне пришлось встретить таких людей, которые называют себя коммунистами, а на самом деле им место в проклятой памяти черносотенном Союзе Русского Народа Пуришкевича и Крушевана. Если серьёзно подумаешь, то становится понятно, почему среди современных большевиков так много этих страшных людей, этих моральных чудовищ.

В самом деле, что, кроме морального чудовища, может выйти из реакционной Лепнино-Сталинской школы, воспитывающей в духе магометанской исключительности и иезуитской неразборчивости в средствах, в духе готтентотской морали и прусской казармы?

Только нравственное чудовище, кричащее: «нет бога, кроме Ленина и Сталина пророка его».

Только нравственное чудовище, руководящееся в личной и общественной жизни девизом Лайолы: „цель оправдывает средства“. Поэтому ложь, клевета, обман, эксплуатация темноты и невежества, игра на низменных инстинктах человеческой природы хорошие, похвальные поступки, если они ведут к цели.

Только моральное чудовище, признающее хорошим то, что для него хорошо, т. е. цивилизованный дикарь с нравственным уровнем готтентота: «если я украл жену у тебя - хорошо, если ты у меня — плохо». Только нравственное чудовище, солдат-автомат Фридриха Великого, неспособный думать и мыслить и неимеющий права на это, так как за него думали Маркс и Ленин, а теперь это делает Сталин.

Из всего этого слагается большевистская «правда»: правда моральная, правда социальная, правда политическая и правда духовная, т. е., как говорил Михайловский, «правда-истина» и «правда справедливость». Поэтому, все, что противоречит этой «правде-истине», открытой Лениным, и «правде-справедливости», практикуемой Сталиным — от лукавого и с ним нужно бороться всеми средствами в полном соответствии с вышеуказанными четырьмя основными пунктами Ленино-Сталинской школы.

И большевики борются, борются во всех странах одними и теми же методами, одними теми же средствами против... свободы и равенства, против прогресса. Эта борьба создала из них, как в своё время из иезуитов, интернациональный тип, одинаковый во всех странах, похожий друг на друга, как две капли воды, независимо от национальности и культурного уровня: все фанатики, все иезуиты, все готтентоты, все солдаты автоматы. Действительно, это — факт: нет существенной разницы, например, между тёмным русским рабочим „коммунистом“ из Бриджпорта, редактором „Нового Мира“ и студентами-„коммунистами“ висконсинского университета.

Бриджпортский рабочий из РНОВА вместе со своей ватагой поднимали шум и употребляли площадный язык при всяком упоминании мною слов свобода, равенство, самостоятельность рабочего класса и т. п.

— «Свобода!» Ишь чего захотел... Свободы. Кому свобода? Буржуям, кулакам, лентяям. Знаем мы вас, фашистов! . .

— «Равенство!» Генералов хочешь уровнять, что-ль? Не надо нам твое-равенства, перестань врать...

— «Самостоятельность рабочего класса!» Ишь какую песенку поёт: самостоятельности для шкурников хочет. . . Белогвардеец!..

— Довольно, довольно!.. Не хотим больше слушать... Политически неграмотным людям нельзя проповедовать свободу!.. Долой!..

«Политически-неграмотных» оказалось на лекции слишком много и они хотели слушать как организовать Россию на основе свободы, экономического равенства и самостоятельности рабоче-крестьянских масс, а потому они заставили «политически-грамотных» „рновцев” замолчать. У меня было впечатление, что передо мною буянят члены Союза Русского Народа.

Через полтора месяца один из этих «политически-грамотных» большевиков написал о лекции корреспонденцию, которую «Новый Мир» исправил и напечатал. Это замечательный документ, документ характеризующий моральный уровень большевистской прессы, большевистских корреспондентов, большевистских редакторов, характеризующий большевистские приёмы, и методы борьбы с противниками, большевистские методы пропаганды и качество самой пропаганды.

Вот этот замечательный документ:

«ПОП ВЕНИАМИН И АНАРХИСТ МАКСИМОВ

БРИДЖПОРТ, Конн. — 20 января здесь состоялись два митинга. Утром поп Вениамин освящал старый царский флаг, а по окончании этой контрреволюционной процедуры поп призвал нескольких покорных прихожан жертвовать по 5, 10 и 15 долларов.

В два часа дня в помещении УМСА выступал анархо-фашист Максимов. Прибыли на лекцию из Нью Хейвена, Вотербери и всех их набралось человек 15. Председательствовал Олешкевич. Тема: „Какой была Россия раньше и какой она должна быть сейчас⁴⁴ (Точное название темы: „Какой должна быть Россия⁴⁴. Г. М.) Ответ: Максимов ответил, что Россия должна быть такой, какой она была при царе.

Рабочие Бриджпорта анархо-фашиста Максимова после такого ответа попросили убраться к чертям, отказались слушать контр-революционный бред осколка жандармской России („Новый Мир⁴⁴, 16 марта, 1935 г.)».

Замечательный документ, не правда ли?

Редактор «Нового Мира» помещением такой заметки доказывает, что он, его газета и его партия не только потыкают хулиганству, черносотенству, невежеству и лжи, но в этом именно духе воспитывает своих читателей, своих членов и членов контролируемого компартией Русского Народного Общества Взаимопомощи (РНОВ)

Цель оправдывает средства . . .

Этими же мотивами руководствовались студенты-коммунисты вискансинского университета, когда они решили, показать, во время сенатского расследования о коммунистической пропаганде в университете, на ненавистного им умеренного профессора экономики как на первоисточник коммунистической пропаганды в университете.

Цель оправдывает средства . . .

В Вотербури новомирский агитатор, Рывданский, так поучал членов отдела РНОВ-а: «сюда едет с лекциями анархофашист Максимов. Если вы чувствуете, что можете сорвать его лекции, идите и срывайте. Если же вы не чувствуете за собой силы, то лучше совсем не ходите на его лекции».

Результаты этого поучения?

На первую лекцию пришло пять учеников Рывданского, чтобы сорвать её. Не удалось — публика быстро усадила их и заставила замолчать. На вторую лекцию они

застыдились придти, пришел только один, и тот пьяный, который, на обращение председателя спокойно выслушать лекцию, рявкнул:

— ...Будет говорить правду, будем слушать, а нет — сорвём!” Срывать он однако, не мог, так как не мог сопротивляться силе действия алкоголя, погружавшего его, время от времени, в Нирванну.

В Детройте прогрессивная часть русских рабочих, работавшая долгое время с коммунистами, в конце концов, вынуждена была порвать с ними. Для выяснения перед русскими рабочими причин, по которым они отошли от коммунистов, они создали митинг. Сталинские „молодцы” мобилизовали весь членский состав Детройтского отдела Америк. Компартии, чтобы митинг сорвать. И они сорвали его. Захватили платформу, выбрали своего председателя, обругали организаторов, вчерашних своих друзей, фашистами, контр-революционерами, белогвардейцами, пригрозили им расправой и распустили митинг.

Однако отколовшаяся группа не испугалась, наоборот, она организовала „Русский Рабочий Клуб гор. Детройта” с тем, чтобы вести подлинно-прогрессивную работу и разоблачать большевистскую ложь. Они пригласили меня прочитать лекцию на тему: „Что дали большевики русскому народу и последние события в России”. На лекцию пришло около или свыше 500 чел. Вся „Украинская Хата” была переполнена.

Когда председатель лекции, тов. Зверев, выступил с речью, то два-три десятка коммунистов (весь членский состав детройтского отдела Америк. Компартии) подняли шум и начали кричать по адресу Зверева:

— „Долой, долой! . . Фашист! . . Контр-революционер! . . Белогвардеец! . . Кто тебя выбрал председателем? Убирайся вон! Почему не выбираете председателя из публики?”

В зале произошла маленькая потасовка с приложением кулаков к разинутым рта. Появилась полиция. Но так как я отказался читать в присутствии полиции, то она удалилась. Порядок установился и я начал лекцию, которая время от времени прерывалась достойными коммунистов выкриками по моему адресу:

„Подлец! . . Негодяй! . . Мерзавец! . . Дурак! . . Сумасшедший! . . “ и всё в таком же роде.

Замечательно революционно, не так-ли?

К концу лекции снова поднялся шум, чуть было не перешедший в побоище. Лекцию я всё-таки довёл до конца, не взирая на шум. После лекции тов. Зверев предоставил слово итальянцу-коммунисту, речь которого закончилась пением „Интернационала”.

Спрашивается, какое моральное право имеют взрыватели революционных рабочих митингов петь „Интернационал», это же самое страшное надругательство над заветными чувствами пролетариата! Коммунисты не имеют морального права на „Интернационал”. Они должны петь „Славься, славься, наш диктатор!” — или нечто в этом роде. Рабочие должны протестовать против пользования коммунистами „Интернационала”.

Рабочие, протестуйте против этого святотатства!

Не менее характерны для коммунистов вопросы, которые они задавали мне, и их возражения. В этих вопросах и возражениях, как в зеркале, отражается моральный и

политический лик большевиков. Этот лик — лик страшных людей, которых убедили, что реакция и хулиганство есть революционность.

Начнём с Кливеланда. Вождём местных коммунистов является г. Лубешко, кажется, адвокат. Послушайте некоторые его возражения.

„Максимов говорил два часа; если переварить все, что он сказал, то выходит, что вам, рабочим, ненужно интересоваться Россией, ненужно интересоваться рабочим движением — сидите в кабаках, ходите в церковь. Товарищи, вы должны знать, кто призвал сюда Максимова, который советует вам: разрушайте ваши организации! Буржуазия, товарищи, пускает в ход все, в том числе и „Дело Труда“, которое редактирует Максимов. Помните, Гитлер говорил такие же сказки, а когда взял власть, то отнял все свободы”.

Так нагло и бесчестно говорил г. Лубешко в Акроне. Могут ли такие речи привлечь симпатию честных рабочих к большевизму? Конечно, нет. Это акронские рабочие и сказали Лубешко, запротестовав против его „речи”.

А вот Балтимора. Выступает рабочий Ляхов, столп местного отдела РНОВ-а, и заявляет:

— „Анархисты помешались с белыми... Оратору нет места в СССР. Что ему осталось делать? Разъезжать с лекциями и этим кормиться: давайте, рабочие, и рабочие дают”.

Но самыми интересными возражениями, с точки зрения выяснения реакционно-го влияния большевизма на умы рабочих, являются возражения Волкова, исключенного с группой из местного отдела РНОВ-а. Он продолжает защищать большевизм с энергией, достойной лучшего приложения, и сам он не плохой человек, между прочим.

- „Чем Максимов отличается от Херста в нападках на 3-й Интернационал? Он ведёт такую же фашистскую пропаганду, как и Херст. Говорить о свободе и равенстве для всех людей, это значит — говорить о свободе и равенстве для белогвардейцев, а это означает реставрацию. Максимов кричит о свободе. А о какой свободе он кричит? Для кого свобода? Детям не дают играть со спичками... Сперва надо научиться пользоваться свободой, а когда народ научится этому, тогда большевики дадут ему свободу. Говорить же сейчас о свободе это значит — говорить о свободе для фашистов”.

Что вы скажете на это, читатель?

В Честере внутреннюю политику России решал человек, имени его не знаю, который с апломбом утверждал, что „ренегат Каутский был троцкистом”. Внутренне-политическую проблему он решил с Соломоновской простотой:

„В России нужно очистить воздух, сказал лектор, это верно, но это значит, что надо гнать в шею тех, кто говорит о свободе печати и о свежем воздухе”.

Разве это не великолепные плоды коммунистического воспитания!

Филадельфия — центр РНОВ-а. Этому городу коммунисты уделяют большое внимание и не ленятся воспитывать русскую рабочую массу политически. Как же это воспитание проявляется комвоспитанниками? Вот передо мною рабочий Петров, человек несомненно искренний и несомненно честный, очень редкое качество среди коммунистов, слушаю его речь и записываю некоторые основные положения, которые гласят:

— „Полной свободой для человека не может быть. Нужно уничтожить свободу другого класса, чтобы иметь свою. Народ нужно сперва научить, а потом говорить ему о свободе. Лектор только прикрывается анархизмом” — посовестился парень, обругать белогвардейцем или фашистом.

Большевизм, как видим, вытравливает чувство свободы и создаёт убеждённых рабов, как и христианство.

Переходим к культурному американскому русскому, пожалуй, центру, к Нью-Йорку, где русские рабочие массы особенно интенсивно обучаются большевизму, где „Новый Мир” расходится больше, чем в другом каком-либо городе, поэтому вопросы, которые ставились мне на лекциях, я считаю весьма характерными результатами коммунистического воспитания масс.

- „Почему лектор не коснулся осущевления анархизма, который уничтожил класс, а целую нацию, евреев?”

- „Почему анархисты целуют ноги белогвардейцам? Не для того ли, чтобы вместе ударить по головам рабочих?”

Неподражаемо! Поистине: „Умри, Денис, и больше не пиши!”

Теперь несколько образцов коммунистических возражений.

— „Лектор идёт под Чёрным Знаменем, а ручки-то у него беленькие! Для лектора все нехороши, только капиталисты хороши сознательный фашист... Заклятые враги русского народа те, кто за децентрализацию... Что успели анархисты в Испании? Ввели бой быков... В Лигу Наций мы вошли потому, что другого выхода нет потому что все страны там... Америка признала СССР потому, что она тоже против войны... Большевики ввели равенство — на деле не пошло, поэтому они теперь правильно делают вознаграждая лучших - лучше: больше сделал — больше получай! Кто трудится, тот имеет то, что заработал, поэтому нечего плакаться за рабочих, как это делает лектор, которые вместо фордовской нормы 65 деталей вырабатывает на советских фабриках 140 деталей”.

Какой великолепный материал вырабатывает большевизм для строительства социализма!

В Коннектикут штате спрашивали: „Правда-ли, что Гитлер снабдил анархические группы капиталом?”

В Нью-Гевене коммунист Маслов возражал так:

- «Максимов говорит прекрасные фразы о свободе и экономическом равенстве, но эти фразы ложные, которые прикрывают белогвардейщину”. Другой коммунист заявил: „Лектор не пролетарского происхождения, поэтому он так и говорит, а кто так говорит — враг рабочего класса”.

Скажите, разве это не страшные люди? Да, эти люди, независимо от того одеты ли они в рабочую блузу или в адвокатский фрак, страшные. Они страшны своей моральной опустошённостью, политической реакционностью. Они страшны для прогресса, для социализма, для свободы, для экономического равенства, а страшны они для всех этого потому, что под видом свободы несут рабство, под видом прогресса — реакцию, под видом социализма — государственное крепостничество, под видом солидарности — вражду, под видом равенства новые привилегии. Они страшны ещё потому, что являясь Брутами для Цезарей, они неизбежно, благодаря внутренней реакционности государственного социализма, становятся Цезарями для свободы,

для социализма, для трудящихся масс. Незаметное, постепенное превращение Брута в Цезаря, как показал опыт России, самая страшная вещь.

Прудон был прав, тысячу раз прав, когда крикнул: «Прочь, коммунисты, ваше присутствие отравляет воздух!»

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Григорий Петрович Максимов
Страшные люди
1935

Дело труда, Nr. 86 / 1935

ru.anarchistlibraries.net